

ЭДУАРД АНАШКИН

ТОСКА ПО ГЕРОЯМ

Михаил Фёдоров “Сестра милосердия”, Москва: Изд-во “Вече”, 2010. – 384 с.

Новая книга Михаила Фёдорова, писателя из Воронежа, впечатляет, на мой взгляд, жизненной правдой, которую мы, несмотря на всеобщую и часто навязчивую (увы!) гласность, не знаем. Речь идёт о кровавых “горячих точках”, что образовались на теле нашей земли после развала Советского государства.

Тема гражданских войн на территории бывшего СССР – одна из главных в творчестве Михаила Фёдорова. И это не случайно. Родившийся в Советском Союзе, он с отцом-офицером объездил многие уголки нашей огромной страны. И конечно, то, что стало происходить после развала СССР, не могло оставить его равнодушным. В повести “На погибель...”, написанной в конце 90-х годов, он, по сути, исследует ту же тему – как распад державы сказался на судьбах простых людей, которые были частицами советского народа. Сам Михаил Иванович не сражался с оружием в руках, не участвовал в кровавых конфликтах, но как писатель вместе со своими героями он словно бы побывал на передовой, ощутил эту пронизывающую людей боль от несправедливости, возводимой нынешними “хозяевами жизни” в порочный принцип.

Речь в названном произведении идёт о судьбе простой абхазской женщины Натальи Лейба, с которой писателя познакомили ветераны войны в Абхазии. Судьба её, с одной стороны, обычна, с другой – она показательна для судеб простых советских людей, волею злых сил брошенных в “хождение по мукам” новых гражданских войн. Красивая молодая женщина (по матери абхазка, по отцу русская саратовская волжанка). Личная жизнь не сложилась, она как мать-одиночка растит дочку. Учит детей рисованию в школе, переезжает из родной абхазской Гудауты в Воронежскую область, снова возвращается домой к маме...

Размеренную жизнь нарушает грузинская агрессия. Художница-эстетка, которая ещё вчера была готова упасть в обморок при виде крови, Наташа становится сестрой милосердия. Встав на путь служения своему народу, разделив его судьбу, она, хоть и не надолго, обретает женское счастье, встретив на дорогах войны русского офицера...

Читая “Сестру милосердия”, я то и дело ловил себя на мысли, что нам стоило бы поучиться той стойкости и сплоченности, которой обладают представители малочисленных народов. К примеру – абхазского. Когда главными героинями повести о войне являются хрупкая молодая женщина и другие абхазские женщины, её боевые подруги, то в пору мужикам нашим призаду-

маться... Потому что эти женщины, несмотря на лишения и даже на унижения, которым их, самоотверженных защитниц своего народа, подвергают мародёры, являют нам такой пример мужества, что только шапку снять перед этим женским подвигом и остаётся! И тут осознаёшь, что мы уже почти забыли о том, что в литературе понятие “герой” есть не только обозначение персонажа. То перед нами нудные умники, то рассуждающие о “правах и свободах” извращенцы, то обезумевшие феминистки, то прочие маргиналы. Их и героями-то назвать язык не поворачивается. На персонажей-то едва тянут... Но вот – читаешь “Сестру милосердия” и понимаешь – это героиня, без натяжек, в полном смысле этого слова.

Одной из лучших в повести является сцена, где перед земляками выступает лидер абхазского народа Владислав Ардзинба. “...В кузов взобрался подтянутый, крепкий шатен с широким открытым лицом. Скулы подчеркивали его горское происхождение, а высокий лоб – ум. По толпе пролетело: “Вла-ди-слав...”. За ним в кузов взобралось ещё несколько человек в гражданской и камуфляжной одежде. Владислав оглядел собравшихся и поднял руку. Все стихло. “Абхазы!! Уважаемый мой народ!!” – зазвучал его голос. Видно было, как он волнуется, и вместе с тем – как тверд. – “Вы знаете, что произошло. Грузинские танки уютжат улицы Сухуми. Абхазия снова в опасности, – проговорил он, вздернув головой. – У меня к вам единственный вопрос: будем воевать или нет? Я должен знать волю народа! Как вы скажете, так и будет. Я подчинюсь любому вашему решению...” Казалось, его голос вылетел за пределы санатория и преодолел не одну сотню километров от Гагр до Очамчира, от Гудауты до перевалов Большого Кавказского хребта, и разлетелся по Черноморью. С эхом взметнулось над площадью: “А-ей! А-ей!”. – Кричали “да” по-абхазски. “Хай ба шет!” – “Будем воевать!” – Сливалось с возгласами тех, кто, взметнув вверх кулаки, кричал по-русски, по-кабардински, по-чеченски, по-осетински, по-армянски, по-гречески. “Будем... Воевать...” Владислав снова поднял руку: “Я понял, – сказал, потом наклонил голову и произнёс: – И да сложу я голову за вас...”. Эти слова доставали до глубины души. “Уже идёт помощь, – снова поднял голову Владислав, оглядел всех пристальным взглядом. – Первые добровольцы уже подошли с Кавказа...” В этом мог убедиться каждый, слышавший речь людей, собравшихся на площади. Возгласы одобрения взлетели над головами. “Мы победим! У нас есть такая сила, о которой враг не подозревает. Победа за нами”.

Всё дальнейшее повествование показывает нам сакральный процесс, я бы даже сказал – таинство превращения толпы в народ. Эпичность этой сцены дополняет лиризм жертвенного образа главной героини. Образ русской абхазки Наташи сродни задушевному образу русских женщин, способных на самопожертвование во имя любви к своему народу, во имя желания сделать его жизнь лучше. Эти золотые качества присутствуют в сестре милосердия Наташе, реальной женщине реальной войны конца XX века из повести Михаила Ивановича Фёдорова.